

SVARTE ASKE

Зарисовки мизантропии

2011

Предисловие

*Сдержатъ своих чудовищ - это не ответственность.
Дать им волю - вот ответственность!*

Книга перед вами была начата как попытка найти новую сферу, куда можно выплеснуть ненависть и агрессию, не навредив людям и параллельно проанализировать свои собственные ощущения. Вдохновившись примером Ларса фон Триера, который написал сценарий «Антихриста» в глубокой депрессии, было решено обращаться к написанию текста в моменты всплесков агрессии и ненависти, либо после актов насилия, чтобы быть наиболее достоверным и честным к себе.

Книга представляет собой компиляцию текстов и размышлений разного времени, объединенных попыткой понять себя и определить свое раздвоенное отношение к себе, миру и людям, его населяющим.

Весь текст данной книги есть реальный опыт, переживания и размышления автора.

Если данная книга вызовет у вас отвращение – я буду рад.

Если вам станет некомфортно – я буду рад.

Если вас посетит страх от прочтения этой книги – я буду рад.

Если ваша ненависть возликует от этой книги – я буду рад.

Если вас возбудит прочтение этой книги – я буду рад.

Манифест мизантропа

Человечество - общество - люди - человек - гниль. Современный человек - это падаль, это мразическое существо без цели в жизни, это шакал в своре себе подобных, это ничтожество в кучке ничтожеств, мясо в мясорубке и пустая оболочка из ничего. Какая цель у человека сегодня? Дальше завтрашнего дня, буквально, человек не ставит себе целей. Жрать-спать-развлекаться. Идеальный цикл, в который человек включается со всей душой, вернее, её ошметками. Работа - для кого? Для себя любимого, для того, чтобы развлекаться и жрать, меньше работать - больше спать, но получать бы побольше, чтобы побольше жрать и развлекаться. После вас хоть потоп. Кто делает добро ближнему без корысти - никто. Все хотят место в Раю, отрицая Рай. Все хотят, чтобы о них говорили, не прилагая дел. Все продают всех ради себя, и себя ради развлечений. Кто мыслит не завтрашним днем, а завтрашним веком? Кто отдает себе отчет, кто готов брать ответственность, кто готов быть альтруистом, кто готов образовывать и воспитывать, кто прокричит в толпе правду? Нет таких, ибо они мертвы, это не актуально, не современно, не демократично, не модно - асоциально! Будь в моде, живи сейчас ради себя, не думай о завтрашнем дне, получай от жизни все, попробуй в жизни все! Начните с собственного дерьма, может? Нет? Завтра начнете, если скажут, что модно. Почему? Мозгов нет, и больше у вас не будет, потому что это не модно, модно не думать и вливать в себя потоки нечистот. Мода - шляха всех господ, модники - проститутки всех мастей без хозяина и цены, продаются за обложку, наполняют себя не глядя, уродуют свою оболочку искусством настоящего, отрезая будущее, но это им и не важно. Человек сегодня - модник, блядь от мира фантиков. А вы и есть эти человеки. Не важно, кто вы есть, важно - что о вас говорят, какой у вас образ, то, что вы хотите о себе слышать - диктует мода, глянец, СМИ, метафизика деградации, обернутая в шелуху социального прогресса. А вы едите это, порождая и умножая. Кто достоин жизни сейчас? Достоин ли жизни человек, который сам отрезает себе будущее, не признает прошлое и не имеет ориентиров в настоящем? Можно ли вообще называть это "существо" Человеком? Исключительно по инерции и только с маленькой буквы; понятие человек и животное ныне тождественны, хотя даже животные зачастую имеют высшие ориентиры, нежели люди. Человек достоин своей нынешней жизни потому, что он не достоин своей смерти. Смерть - это слишком легкое избавление от мучений. Человек, несущий такие установки, должен страдать за них, смерть нужно будет заслужить. Он должен страдать за каждое слово, действие и идею, которую принял и озвучил, за каждый свой образ, за каждого, воспитанию которого, явно или косвенно, он поспособствовал. Кто достоин Жизни в полном её ключе? Понимающий и знающий, тот, чей манифест призывает рубить гнилые части, уничтожать через страдание, воспитывать новое и образовывать тех, кто волею метафизики сам обрел ориентиры в хаосе падения. Тот, кто жертвованием себя дает шанс тем, кто будет после, кто полагает цели в бесконечность, осознавая свою конечность. Кто ради блага всех уничтожает всех. Чьи поступки содержат кристальный альтруизм, нареченный толпой фашизмом и кошмаром. Тот, кто кричит в толпе о её сути, кто кидает камни в институты настоящего и кладет камни в институты будущего. Тот, кто зовет себя Человеком с большой буквы, и поступки его направлены на оправдание его претензии, которая не есть его цель, но которое требует стадо, ведь оно должно быть с пастухом. Тот, кто отменяет условные понятия Добра и Зла и возводит в абсолют интересы Общества, а не его частей, кто в массе видит достойное целое, выгодное каждому его члену, кто отменяет слепое равенство и разнообразие, заключая его в жесткие рамки, кто насилие полагает инструментом, а не развлечением. Достойный жизни и действия, достойный будущего Человек - это Мизантроп, его ненависть к настоящему порождает посыл в будущее, его альтруизм в разрушении есть созидающий посыл в настоящее, к тем, кто неприкаянно

ищет себя среди свиней демократии, кто понимает, что стадо идет в пропасть, но не видит рычагов для поворота. Мизантропия дает понимание картины, а не штрихов, которые, несомненно, тоже играют роли. Мизантропия поднимает нас - мизантропов - на уровень над вами, тупым быдлом, идущим зажатой и развлекательными помоями. Понимание и образование, возведенные на этот уровень, позволяют найти рычаги вашего поворота от бездны к пастбищу Духа, а не Зада. Не все повернут, не все дойдут, не всех пустят на пастбище. Мы не пустим, мы будем отсекаать гниль, будем обрекать на страдание без шанса искупления, потому, что не заслужили. Будем затыкать рты и проявлять насилие, будем выводить вас на конфронтацию со здоровой частью общества, потому что вы - это рак, гангрена. Вы - это люди без понимания, без желания понимать. Вы с удовольствием спрячете голову в песок, в свою иллюзию. Мы отравим ваш песок, мы будем ломать ваши миры, рушить ваше мировоззрение, ломать вашу жизнь, потому что мы вас ненавидим и потому что вы это заслужили. Все ваши поступки - это пункты вашего приговора. Люди, кто это читает, кто об этом услышит, кто это будет обсуждать, из всех вас менее процента будут теми, кто в конце будет стоять с нами и судить остальных. Все остальные - модное, клубное, либеральное стадо, которое после прочтения забудет, навесит ярлыки фашизма и нивелирует мои слова, ради своей иллюзии счастья, которого объективно больше *нет*. Ваши иллюзии буду разрушены. Наше знание умножает нашу скорбь, мы готовы принять это знание, эту ответственность и деление. Поставить себя выше вас. Ради тех, кто не с нами и против вас. У вас нет будущего, у нас оно есть. Когда к вам придет осознание своей конечности, будет поздно, до нас вам уже не дойти, позднее, вы даже не осознаете, куда идти. Все сказано, решайте.

Альтруизм и мизантропия

Предисловие

Человеку не хватает Зла, чтобы стать добрее.

Приведенные в тексте примеры призваны проиллюстрировать логику и/или общую картину, фон действия. В них не учитываются мелочи и частные нюансы – это дело десятого порядка, кому интересно – займитесь сами.

В связи с многогранностью темы и ниже будут даваться конкретные определения оперируемых понятий, с пояснениями и дополнениями, чтобы исключить вопросы типа: «Но? А если? А ещё вот так?». Частные случаи освещены либо в контексте темы, либо выброшены за несостоятельность, неактуальность; критика с позиции выброшенных частных определений заочно несостоятельна.

Альтруизм

Альтруизм - нравственный принцип, предписывающий бескорыстные действия, направленные на благо и удовлетворение интересов другого человека (людей). Как правило, используется для обозначения способности приносить свою выгоду в жертву ради общего блага.

Нравственное предопределение альтруизма естественно, так как он свойственен тем обществам, где нравы и мораль располагают к такому роду деятельности. Где эти нормы иные – там можно альтруизм и вовсе не встретить.

Бескорытность действий подразумевает отсутствие выгоды в результате их выполнения во благо другого. Но разве не будет являться выгодой факт удовлетворения от выполненной работы? Бессознательно человек преследует цель получить чувство удовлетворения от результата и/или чувство удовольствия от процесса удовлетворения интересов другого человека. Человек не может не осознавать позитивных эмоций, которые он испытывает от своей деятельности и, в последующие разы, сознательно или бессознательно этот акцент будет нарастать. Фактически, когда человек перестанет получать удовлетворение в результате своих «бескорыстных» действий, он перестанет их выполнять; проявится граница альтруизма с прагматизмом. Так как подавляющая часть общества хотя бы раз в жизни сталкивалась с проявлением альтруизма в своей жизни то человек не мог не заметить чувства собственного удовлетворения, спроецировать свой опыт на других людей и сделать очевидный вывод о корысти в этом действии. Зная это и продолжая декларировать данное выше определение, общество идет на молчаливый компромисс, умалчивая корысть альтруизма, и, в то же время, создавая ему обратный образ. Каждый хочет казаться лучше, чем есть, даже если все знают, что это не так. Важен не ты сам, а твой образ. Это объясняет принятие определения альтруизма как аксиомы и давление на очевидные альтруистские порывы тех людей, чьи жизненные установки отличны от установок диктующего большинства (на деле – меньшинства и подчиняющегося большинства), как в лучшую, так и в худшую сторону (люмпены).

Альтруист действует во благо других людей. Какое понимание блага он вкладывает в свою деятельность? Решивший помочь алкоголику, альтруист будет выглядеть в глазах объекта насильником, ведь он не хочет его угощать, а хочет разлучить его с предметом его вожделения - бутылкой. Альтруист же сам себя видит не иначе как спасителем, ведь он удаляет из жизни алкоголика то, что делает его жизнь несчастной и асоциальной, тут альтруист может позволить себе мысль, что он фактически спасает общество в лице алкоголика – непозволительное проявление эгоизма, не так ли? Но, альтруист этого не осознает и самовосхваление не является его целью, пока он не выйдет к границе своего принципа. Отсюда можно сделать вывод, что альтруист всегда руководствуется *своими* понятиями о Благе, Добре и Зле, которые, не всегда совпадают с аналогичными понятиями объекта действия. Как следствие, альтруистом может быть и человек, выступающий за легализацию эвтаназии, как гуманного акта помощи тяжелобольным, и отсутствие его выгоды очевидно, или человек, выступающий за повышение социальных дотаций малоимущим, тут отсутствие выгоды тоже налицо (даже больше: бремя дотаций ляжет на его – налогоплательщика – плечи). Можно ли считать альтруистом человека, который бескорыстно совершил действия для удовлетворения интересов человека, которые лежали в криминальной сфере? Ведь, по сути, соблюдая свой принцип (пусть даже неосознанно), он совершил преступление, а преступление априори не несет пользы обществу, но несет пользу тому, чьи интересы он помог удовлетворить. Возникает моральная дилемма регулирования альтруистских позывов, которую решают общие морально-нравственные нормы общества, при условии не размытости оных.

Объект действия альтруиста – это человек, или люди. Тут все очевидно, альтруист может проявлять заботу, как об отдельном индивиде, так и о социальной группе или о человечестве в целом, это субъективный момент.

«Приношение своей выгоды в жертву ради общего блага» - этот момент также требует комментария. Как человек, помогая незнакомцу на улице, может нарушить свой распорядок и в итоге, например, потерять источник дохода, так и человек, который полагает себя на служение обществу (крайняя форма альтруизма) вообще лишает себя какой-либо адекватной личной жизни, принося её в жертву людям. Не стоит забывать, что чем большим человек жертвует, тем больше удовольствия он желает получить/получает в итоге, в зависимости от результата своей деятельности. Альтруизм корыстен на естественном и психологическом уровнях.

Рассмотрим вышесказанное на сравнении двух людей с диаметрально-противоположными, на первый взгляд, мировоззрениями. Возьмем приверженца нацистской идеологии и убежденного христианина.

Действия нациста мотивированы желанием лучшей доли своей нации (этносу-народу), он декларирует светлый образ человека своего народа. Его действия бескорыстны, за исключением минимального фактора психологической корысти, описанного выше, направлены на улучшение условий существования и создания созидательного посыла в будущее, грубо говоря – подача примера другим, что бы расширить количество субъектов действия, для качественного перехода деятельности. Опять же, без деятельности ради количества, но ради качества, обязательного через количество; качество во благо той группы, которую он определил как ту, ради которой он жертвует своими интересами. Особенно это актуально сейчас, когда представители правых политических течений добровольно встают в вынужденную оппозицию обществу, не приемлющему такие установки, фактически они жертвуют почти всеми связями с обществом, ради общества же. Общество в ответ создает давящую среду для таких людей, невольно формируя у них чувство мизантропии и толкая их на радикальные, сопряженные с насилием, действия, которые остаются в том же ключе поставленных целей. Этот пример ярко иллюстрирует тезис: «Мизантропия как проявление и следствие альтруизма», который мы рассмотрим позже. Нацист отдает себе отчет в сложности поставленной задачи и понимает, что он, скорее всего, не увидит плодов своего жертвования, что лучший мир достанется его

потомкам, что отмечает возможную корысть в отношении жизни, в стадии «потом, после». Этот момент признавали даже лидеры Третьего Рейха, включая Гитлера, и открытым текстом заявляли, что лучшее время застанут их потомки, себя они клали на алтарь борьбы ради будущего, осознавая, что ничего не получают при жизни.

Действия христианина, возьмем общий термин, как и с нацизмом, не вдаваясь в частности учений протестантов, католиков, православных и иных сект, аналогично мотивированы желанием мира во всем мире, всеобщей любви и Рая после смерти. Но идут ли альтруистские действия христианина от души, без задней мысли? Смысл жизни христианина – прожить свою жизнь свято, искупить своими действиями первородный грех и попасть в рай. Это – чистейшая корысть. Фактически, христианин мало заинтересован в жизни здесь – на бездушной «твари-земле» (цитата по Библии), его цель лежит в попадании, как можно простом и скорейшем, в иной мир, в Рай. Альтруизм же христиан вытекает из обязательных условий попадания в Рай, эти условия можно с легкостью найти в Библии: нагорная проповедь, заповеди блаженных, декалог. Ярчайшим примером будет фраза: «Возлюби ближнего своего». И христианин делает волевое усилие, чтобы как минимум создать себе иллюзию любви к ближнему своему, чтобы потом архангел Михаил не упрекнул его перед воротами Рая. Под благом христианин понимает свое существование с Богом после смерти, весь его «альтруизм» - чистейшая корысть, это можно проследить, побывав в храмах и оценив уровень соответствия писаному в Библии и реальному, прочитать в глазах людей.

Данные примеры иллюстрируют явление альтруизма, как субъективного понятия, которое умышленно(?) декларируют объективным для всего человечества, принуждая к исполнению альтруистских позывов в либерально-христианских рамках. Мы же видим, что приверженец фашизма является истинным альтруистом, нежели представитель христианства, рамки которого зажимают альтруистское действие, и в то же время, сами закладывают в него корыстные, эгоистические мотивы.

Филантропия

Филантроп — человек, занимающийся благотворительностью в помощь нуждающимся. Альтруизм и филантропия идут рука об руку, но не взаимобязательны. Как мизантропии противопоставляют филантропию, так и альтруизму противопоставляют эгоизм (его мы не будем касаться), поэтому рассмотрим это подробнее.

Филантропия — человеколюбие, забота об улучшении участи человечества. Из первой части мы знаем, что забота об улучшении участи человечества равно свойственна и стереотипному мизантропу и, на первый взгляд, приверженцам абсолютно противоположных радикальных взглядов, более того, они зачастую имеют более бескорыстные мотивы и высшие цели, нежели «классические» альтруисты.

Разве Гитлер не проявлял заботы об улучшении участи своего народа (помним о субъективном определении состава объекта действия)? Еще как желал. Не желает ли Далай-лама того же? Желает. Известный мизантроп Фридрих Ницше разве не желал лучшей доли человечеству, например, в своем труде «Как говорил Заратустра»? Желал. Выходит, понятие филантропии невозможно объективно и универсально трактовать, как и сходное с ним понятие альтруизма. Филантропия – это приоритетно бескорыстное действие во благо людей, общества. Но на этой ниве находят себе пристанище те, кто создает себе образ, кто признается себе и отдает отчет в корысти своей деятельности, но вывешивает маску альтруизма и заботы об окружающих. Бескорыстные поступки невозможны, но возможны ширмы, такие, как филантропия. Филантропия – позитивно оцениваемая обществом деятельность, филантропы пользуются позитивным вниманием и неформальными (иногда и формальными) санкциями в свой адрес, что не может не

формировать чувство собственной элитарности, тешить эго субъекта, вытесняя бескорыстность, если она вообще была, заменяя её тем удовольствием, которое приходит в результате своей филантропической деятельности.

*«Филантропы, увлекаясь благотворительностью, теряют всякое человеколюбие»
Оскар Уайльд.*

«Чистая филантропия очень хороша, но филантропия плюс пять процентов годовых — еще лучше» Сесил Родс.

Мизантропия

Мизантропия — неприятие, ненависть к человечеству, неприязнь, презрение к «правилам», «моральным ценностям», догматам.

Мизантроп — человек, который избегает общества людей, нелюдим, страдает или наоборот наслаждается человеконенавистничеством (мизантропией).

Мизантропия – явление многогранное, кто-то считает, что мизантроп – это отшельник. Кто-то, что это человеконенавистник, насильник общества. Я остановлюсь на социально-интегрированном – социальном – мизантропе, который не избегает общества. Многие считают мизантропию вещью в себе, то есть, мизантроп живет ненавистью к человечеству ради ненависти к человечеству. Это в корне не верно. Мизантроп, как и любой человек, живет своими интересами, ради удовлетворения своих потребностей (не забываем о главенстве интересов общества). Редкий мизантроп придерживается желания уничтожить *всех* людей, что бы дожить свой век в свое удовольствие (эгоизм). Человеконенавистник почти всегда имеет тот образ человека, общества, который считает наилучшей альтернативой тому современному обществу, которое он ненавидит, например, Ницше и Сверхчеловек; идеал может лежать и в прошлом, но желаться в будущем. Фактически, мизантроп – это человеколюб, чья любовь обращена в будущее, к его идеалу человека, который он стремится реализовать через ненависть к обществу: разрушение текущих морально-нравственных норм, презрение к догматам, социальным институтам. Вспомним про христианина и нациста, пример нациста иллюстрирует эту логику.

С мизантропией тесно идет понятие нигилизма – отрицание морально-нравственных принципов общества. Ненавидя человека, общество, невозможно игнорировать те нормы, которые детерминируют его поведение, социализацию его членов; особенно, если эти нормы не свойственны данному обществу, например, при расово-культурном смешении. Мизантроп не отрицает всю мораль и ценности как категории, он отрицает то, что порождает энтропию – отклонение от его идеала человека, но так же постулирует иные ценности, либо более правильный взгляд на текущие нормы; он переосмысляет их значение. Нигилизм больше выступает инструментом, чем вещью в себе.

Падающего толкни!

Афоризм Ницше: «Падающего толкни!», не означает, что не следует помогать человеку, наоборот, самая действенная помощь человеку — дать ему возможность достигнуть крайности, в которой можно будет положиться только на свои инстинкты выживания, чтобы возродиться или погибнуть. Это есть чистый альтруизм, где психическое удовлетворение испытывается от самого «толчка», где возрождение падающего лишь приятное вспомогательное, необязательное, следствие; получать это удовольствие можно и, смотря на возрождение тех, кого толкают другие. Возрождаются

единицы, большинство сгорает, погибает, понимает невозможность своего восхождения и отказывает себе в нем, занимая свою натуральную позицию в обществе. В бытовом аспекте толчок в пучину своих страстей может лишить человека жизни (суицид), тем самым, обнажая его слабость, духовную нищету, слабость психики; такой человек не нужен, и чем больше их сгорит в своем падении, тем лучше для общества. Чистая мизантропия.

Альтруизм – высшее проявление мизантропии, как мизантропия – высшее проявление альтруизма. Амбивалентность этих понятий детерминирована их природой, корыстью альтруистского действия и высшим, бескорыстным, целеполаганием мизантропии. Филантропия – благая ширма личного эгоизма, завеса инструмента энтропии. Нигилизм – инструмент утверждения своих идеалов высшего блага, он временен, но необходим альтруисту.

Ненависть порождает насилие, насилие порождает разрушение, разрушение – хаос, из хаоса создается новое, девственно чистое, сиюминутно-идеальное и, в следующий миг уже порочное; где миг – это неопределенная часть времени, но всегда конечная, имеющая точку перехода в другую свою часть. Смысл существования альтруиста в причинении пользы человеку; так, что может быть лучше полного уничтожения и девственного перерождения? Что, кроме ненависти, способно дать толчок к раскручиванию цепочки разрушения и перерождения? Сегодня и всегда в моменты упадка мизантропы и альтруисты сходятся в своем стремлении явно, открыто и взаимовыгодно. До этого они номинально на разных полюсах морали, но их природа амбивалентна. От любви до ненависти один шаг. Захлебываясь в бесконечном потоке удовлетворения чужих потребностей, альтруист приходит к пониманию невозможности, бессмысленности, своей деятельности, нельзя затыкать отверстие в сосуде вечно, нужно разбить сосуд и сотворить новый, до неопределенного момента тоже будущий целым. В понимании всеобщей деградации, слабости, безответственности, мизантроп приходит к такому же выводу, что ненавидеть человека с его пустыми блестками-ценностями ради ненависти, ради превозношения своего Я, ради удаления для вольного эгоистичного существования вне людей, не имеет смысла, сосуд надо уничтожить, создавая новый. Альтруист обладает желанием, мизантроп знает, как удовлетворить его желание, даруя ему инструмент ненависти – это бескорыстный дар ради общего блага, проявление альтруизма мизантропа ради мизантропии альтруиста – экстаз слияния противоположностей. *Высшее благо – это разрушение, из которого строго вытекает созидание. Альтруист и мизантроп слова-синонимы.*

Любовь

Ранее были рассмотрены отношения мизантропа-альтруиста и общества, но нельзя обойти стороной его отношения с человеком противоположного пола. Мизантропу не чуждо чувство любви, более того, оно ему желанно, так как чувство любви – это стержень, который держит мизантропа в рамках адекватности, чтобы он не захлебнулся в том обязательном разрушении ради созидания, которое он может не достать. Можно было бы упрекнуть эту потребность в обусловленности личной корыстью, но это не так. В таком случае мизантроп довольствовался бы любыми отношениями, но только искренняя любовь способна стать тем стержнем, который будет держать мизантропа на его пути, с высоты которого он может абстрагировано оценить свою деятельность, но это не цель его любви, а лишь один из моментов. Любовь мизантропа – это то, что он априори желает своему Сверхчеловеку, он желает это всем, но, чтобы полностью окунуться в это состояние надо отбросить все низменные страсти, всю суету и деградацию, человеку нужно подняться до этого состояния, а подняться можно только через разрушение. В

своей любви мизантроп проявляет субъективный однонаправленный альтруизм, даже отдавая отчет о минимуме удовольствия, он готов им поступиться, ради объекта своей любви.

Три системы

В мировоззрении альтруиста-мизантропа находят свое отражение сразу три системы морально-нравственных ценностей:

Первая – это система ценностей мизантропа, его взгляд на мораль, нормы и идеалы общества, в котором он находится. Характеризуется нигилизмом и стремлением сменить существующие нормы или изменить их трактовки.

Вторая – это система ценностей альтруиста, частично будет совпадать со следующей системой. Характеризуется желанием помочь людям, общечеловеческим набором ценностей, но целеполагание уже общее с Первой системой.

Третья система – это система ценностей, принятая в том обществе, в котором находится альтруист-мизантроп.

К Третьей системе альтруист-мизантроп обращается с двух своих ключевых позиций. С позиции мизантропа, что позволяет ему оценивать возможную динамику ценностей общества, в котором он существует, и делать поправки в своей деятельности по их изменению и/или искоренению. И с позиции альтруиста, дабы вести свою деятельность в рамках общественной морали и представлениях о взаимопомощи и призрении. Фактически эта система находит свое отражение через Вторую систему, которая выступает призмой, смещающей акценты на альтруистскую деятельность.

Такой подход позволяет ему оценивать свою деятельность в отношении общества изнутри его системы ценностей и извне, с точки зрения Первой системы, увеличивает возможности социальной мимикрии (при необходимости).

Заключение

Как видно, альтруизм и мизантропия находят свой синтез в период стагнации и последующей деградации устоев общества, и их объединение в концепцию альтруизма-мизантропии носит временный характер, до смены морально-нравственных и идеалистических парадигм, которая снова разносит эти явления по разные полюса общественной жизни. Деление подхода к обществу через три системы тоже временно, в результате деятельности через связанную систему альтруист-мизантроп (Первая и Вторая системы) меняется Третья система, приходя к желаемому качеству, и этот переход так же разводит Первую и Вторую систему, как и сказано выше. При достижении идеала, при разводе связки альтруист-мизантроп, субъект в итоге останется тем, кем он был, когда пришел к образованию этой связки, что в нем доминировало, альтруизм или мизантропия, то в нем и останется.

Зачем им жить?

Люди, чей масштаб не поднимается выше шмоток, зеркального фотоаппарата, функционал которого не используется и на 2%, кто не мыслит дальше «завтра» и выше

своей головы, кому бренд важнее самого предмета, рабы симулякра, одним словом. Те, кто не может позаботиться о себе, кто даже не желает что-либо производить, живя развлечением и потреблением (да, не ново, но актуально), чей масштаб не поднимается выше песочницы и ура-патриотизма по команде СМИ, те, кто не задает вопросов даже при явном противоречии, максимум - кухонные борцы. Это быдло, якобы не-быдло и их подражатели-нищоброды, эта масса не должна существовать, независимо от национальностей, полов и возрастов.

Зарисовки мизантропии

Переживать можно только за близких, за друзей и немного за знакомых. За остальных переживать нет смысла – вы их не знаете, плевать на их травмы и смерти. Больше смертей для дальних людей, не жалко.

Всплеск негодования – первое, что происходит с человеком при виде объекта ненависти, либо чего-то, на него указывающего в явной форме. Раскручивая свои эмоции анализом увиденного, возникает оно – сладкое желание уничтожения, подавления и унижения объекта нетерпимости. В моем случае это часто выливалось в городское сафари – увлекательное мероприятие прогулки по городу с целью поиска конкретной личности или любого, кто является частью ненавистной группы. Это городская охота: найти, оценить возможности, довести до подходящего места и нанести серию быстрых и точных ударов по тому уроду, который опрометчиво построил свою жизнь неправильно. Либо плюнуть на все и забить его прямо на месте, раскрутив все свои эмоции настолько, что нервы становятся струнами, а руки – камнями, осыпаящими голову врага. И уйти. Уйти, испытывая удовлетворение, которое зачастую сменяется новым желанием, но ему нельзя давать воли – нельзя пресыщаться и, зачастую, вторично есть больше шансов совершить ошибку или не достичь эмоциональной планки.

Городское сафари – смесь иррациональной ненависти и рациональности охотника, пьянящий коктейль насилия и удовольствия. В нем нет власти – на нее не хватает времени, нет ничего подлого – бой всегда один на один и всегда с подходящим противником, ибо меньшее – не интересно, суррогат, самооскорбление – лучше войти в раж и напасть на того, кто крупнее тебя и задавить своей волей всю его гору мышц.

Ненависть, сила, которую она дает – наркотик, на который легко сесть и очень быстро стореть на нем, совершив множество ошибок, если не контролировать собственное желание уничтожать недочеловеков. Городское сафари – разовый акт, его нельзя повторять часто и по каждому пустяку взвинчивать себя. Для него нужна чистая, нежданная ненависть, которую вызывает действительно непереносимый объект или его действие. Все остальное – дешевые эмоциональные подделки.

Страшно? А меня тысячи - тысячи, таких как я, которые утром подпишут тебе кредит, а вечером вырубят тебя в подъезде или навестят твою парня-девушку и в насильственной форме передадут тебе привет. Твои родители, твои отношения, друзья, твой гнилой мирок, который вздумал пойти против Мира ради радужной жизни, будет растоптан тысячами пассионариев. Бегите в свои клубы, в ночь, в подпол и не вздумайте скулить и выходить средь бела дня.

Меня - тысячи. Страшно? Даже если нет - это не важно.

Страдающие дети - один из самых страшных и заораживающих образов. У кого-то пробуждается жалость, кто-то тянется уйти, но лично я замираю в восторге ужаса - настолько чисто он предстает в своей красе в такой момент. Детская невинность и чистота вкупе со страданием - уделом осознанного взрослого - порождает Левиафана ужаса, сжимающего твои легкие? и замораживает все твои клетки, демонстрируя свою мощь и власть.
Это доставляет удовольствие.

Диалог о постмодерне

А: Но уходят от признания своей депрессии, которую бессознательно осознают.
У: Так это же люди, они в большинстве своем будут уходить от осознания депрессии.
А: Они будут убегать от признания того, что они в депрессии - это элементарная психология, этот бег от депрессии, в которой они уже де-факто и порождает креативность постмодерна в желании найти/родить смысл из несовместимого (шизофрения)- все лишь бы завлечь себя, а не признать депрессию.
У: Я признаю свою депрессию!
А: Признание - первый шаг к выздоровлению, в данном контексте: выход из режима постмодерна, хотя бы в модерн.
У: Но я считаю, что постмодерн штука неизбежная и, возможно, кто попытается ее избежать, окажется асоциален.
А: Конечно, асоциален, с точки зрения тех, кто в постмодерне (теперь интересно посмотреть, кого же считают асоциальными сегодня среди молодежи? правильно, и все они в модерне и/или традиции). И да, его не избежать глобально, а те, кто "асоциален" - это последние островки.
У: Так зачем тогда выздоравливать, выходить из постмодерна, если это приведет к гибели-асоциальности??
Х:
1) Почему сразу гибель?
2) Это асоциально с их точки зрения, с нашей точки зрения - больные они, все общество.

Это онтологический протест: мы или они. Либо я утверждаю правду, либо прогибаюсь и играю роль постмодерниста, не будучи им. Даже если в таком прогибе получишь депрессию, она не будет реальной депрессией постмодерна, скорее сожалением о неправильном выборе - вступишь в общество.

Каково это - готовить всю жизнь свой главный половой акт - полное раскрытие своего Я и его удовлетворение, осознавая весь ужас и ответственность за свое больное удовольствие? Те, кто бездумно режет с рук всех подряд - те просто оригинальные мастурбаторы, истинное искусство лежит за плечами тех, кто в своей практике совершил *одно* убийство и на этом завершил свою карьеру маньяка.
Каково это - знать, что завтра, сейчас, ты возьмешь этого человека и будешь его убивать и получать впервые в жизни настоящее удовольствие и удовлетворение? И самое главное,

отдавая себе болезненный отчет в том, что это - первый и последний(!) раз - головокружение от опьянения кровью и насилием, мимолетной, но полной властью. И все.

Труп в землю, концы в воду и тихая жизнь с женой до смерти.

Салютую тем, чья сила воли настолько огромна, что зверь внутри был сдержан до смерти.

Тем, кто позволил себе вспыхнуть только раз, но какой!

Иногда я их провожал.

Добираясь на автобусе, находил в нем красивую девушку, сжимал в руке нож, который всегда в кармане и, пока ехали, представлял.

Как подхожу к ней, начинаю разговор, зову куда-нибудь, начинаю душить или сразу одним-двумя ударами убиваю её, потом вдумчиво режу её гладкую плоть.

Я никогда не думал насилловать их - предпочитаю живых.

Частенько я внаглую смотрел на них, наверное, это был ужасный взгляд сквозь неё - не знаю.

Потом я выходил с ней на остановке, не вынимая из уже потной руки раскрытый нож, шел за ней пару кварталов, оценивая ситуацию и напрягая нервы до струн, в ожидании удара лезвием в шею.

Потом я разворачивался и шел обратно.

Иногда я их провожал.

Рука опускается на шею и начинает сдавливать её.

Я чувствую напряжение твоих мышц, пережимаю артерии.

Трепыхание твоего тела и агония твоих легких уносит из темной комнаты в пьянящую пустошь, наполненную множеством нюансов и привкусов удовольствия. Твой мозг начинает опасно голодать и твои руки вцепляются в мои, пытаюсь вырвать свое горло для глотка.

Нет желания тебя отпустить, но боль от ногтей вырывает обратно в комнату, рука ослабляет хватку.

Твой глоток - твой стон.

И все начинается опять.

Мертвые животные, особенно кошки - привлекают с детства.

Повседневная грация божественного животного - развороченная у обочины тушка в лужи крови, грачи клюют глаза - миром правит хаос.

Зачем содержать людей-овощей?

Кому польза от того, что кто-то там родственник, который уже мертв, но все равно в его легких гоняют газ, лежит там и не приносит ровным счетом ничего обществу, но даже после смерти потребляя наше время и ресурс?

Зачем тешить себя иллюзией, что оно выздоровеет или очнется - оно труп, который даже не слышит вас.

Продление его существования - издевательство над его душой и бег в иллюзию, и бег от страха.

Настоящий гуманизм - это эвтаназия.

Любое право должно подкреплять чем-либо: слово, сила, авторитет, мудрость, опыт.

Идея о природном происхождении прав от рождения - удел трусов и рабов, которым нечего приложить для утверждения права своего Я.

Таких не жаль.

Посмотрите на маньяков - каждый доказал своей жертве свое право убить её, и сделал это.

Вот что я действительно желаю уничтожить - так это городской социум.

Выжигать огромные муравейники пустых людей.

Необходимо вернуться к природе, обратиться к примитивизму.

"Город - злая сила" - абсолютно верно, любой человек, каким бы традиционным или правильным он ни был, попадая в город, погибает душой. Неосознанно стремясь восполнить свою пустоту, он рвется на отдых на природу, но в силу вырождения выходит только антикультурная попойка в трех березках.

Я не возражаю против архитектуры города, но люди города вызывают отвращение.

Поп-культурный мир пост апокалипсиса - мертвые города и немного выживших - бессознательный крик моей правоты.

Мой императив - де-индустриализация, де-технологизация.

К сожалению, сегодня и так идет отказ от этого в пользу нового зла - виртуализации жизни. Внутривенный постмодерн со скоростью 100Мб/с.

Только война, катаклизм, Рагнарёк - вот что должно убить все городское, силою вернув человека на его место части Природы.

Города - рак на теле Земли и человечества.

А рак вырезают.

Рак.

Ужас - это модерн.

В постмодерне правит депрессия.

Чем может привлечь мизантропа постмодерн?

Цинизм DJ-я постмодерна позволяет вселять новый ужас в хомячков новой последней реальности.

Смешать образы и глубины ужаса модерна с экзистенциальной депрессией постмодерна, добавить по вкусу Микки-Мауса в крови и подать в мозг хипстера и посмотреть на его кошмар.

Ужас - зацепка модерна в постмодерне, толкай людей в кошмары, выталкивай их в реальность, ведь реальна только боль.

Главное держать пульс смысла и не попасть на крючок депрессии.

Тяготею к позиции Юнга: белый человек должен уйти в сторону.

Да, белый человек - как духовный, творящий, традиционный - должен уйти в сторону, пропустить всех потребителей вперед и дать им там умереть, вместе с миром. Потом спокойно реализовывать себя.

Вариантов вообще мало: можно биться с постмодерном потому, что быть в нем не позволяет совесть, убеждения - это правильно.

Можно ярко умереть, взорвав телебашню или что-то иное - действовать радикально, ибо нет жизни в этой реальности; ужаснуть тени людей, кто-нибудь да выпадет обратно в реальность.

Можно уйти в себя, в свой мир, одному или с кем-то, абстрагироваться от больной реальности и её проблем; создать чистый остров в черном море и дожить свой век - это тоже правильно.

Можно встроится в постмодерн, сохранив внутри свои установки и/или сочетать все вышеизложенное, и крушить-ломать реальность, расшатывать её и наполняющих её кукол-людей – приближать конец – преодолеть предел, но цена – шизофрения.

Все верно и все возможно.

Походу у меня шизофрения.

Невозможность Орденов, бездушность переписки, моментальность встречи и связи, обесценивание знания и легкость нахождения информации, умножение посредников – вот что я ненавижу в виртуальности и информатизации общества.

Где рукописные письма, многодневные ожидания ответов, где Герметический круг? - он невозможен сегодня, невозможны учителя и ученики, невозможны сакральные рожи Бальдра, невозможно ценное знание, невозможны печатные книги, которые ищешь всю жизнь - привет сеть!

Конечно, мы родились не в наше время, но нет толка горевать об этом, и хотя попытки создать что-то реальное, мистическое, закрытое, зачастую оборачиваются прахом, необходимо сохранить это в себе, по-белому завидовать Серрано и творить под их чутким учительским надзором.

Насколько надо ненавидеть себя, что бы желать вживить в свое тело имплант или флешку в мозг?

Трансгуманисты и недо-постчеловеки - я желаю вам зла.

Нельзя долго обхаживать жертву, к ней привыкаешь и невольно начинаешь пытаться понять её.

О жертве не нужно знать ничего, кроме того, что он твой враг.

Найти и действовать быстро, решительно.

Сверкнуть ненавистью, получить удовольствие от насилия.

И сразу забыть.

Ненавижу ли я себя?

Да, определенно.

Вообще, у меня есть совесть, но она работает только касательно очень узкого круга людей.

Касательно одной персоны она, совесть, дружит с ненавистью к себе - интересное чувство, я вам скажу.

В этом есть что-то от шизофрении, раздвоения или разтроения углов зрения на себя.

Жертву можно понять через страх, который она испытывает от вас.

Попробуйте его осознать, войти в чужую шкуру.

Меня он ужасает и холодит вплоть до сочувствия, но вслед за ним идет восторг от этого чувства, от способности дарить его другим - разве это не прекрасно?

Террор одной личности может быть продуктивнее нападок на его группу.

Сегодня удалось побывать в цепких лапах лицемерного закона - был задержан.

За что и как - не важно, главное, нас было мало, но мы были правы и аплодисменты звучали нам.

Я даже испытал удовольствие от коридоров репрессивных органов - все же, такая энергетика не имеет полярности, либо для меня нет разницы.
И да, мир сошел с ума теперь и на наших улицах.
А кто-то сдаётся?
Не было такого!

Самое, что оставляет осадок, этот тот факт, что надо было бить, убивать, резать, поджигать, топтать в плитку, вешать на столбах, топить в фонтанах, разбивать головы об камни, заставлять рыдать и умолять, но никого не жалеть и давить человеко-гной до последнего.
Все будет.

Организм.
Что делают с болезнью? Лечат.
Что делают с раком? Вырезают.
Что делают с гангреной? Ампутируют.
Что бы организм остался жив.
Что делают безнадежно больным? Эвтаназию.
Общество - тоже организм.

Мы настолько связаны, что уже нет смысла бояться чего-то.
Надо жить и изучать себя и через себя.
Смелее.
В самую тьму.

У германцев, скандинавов, славян была отличная практика - старики, которые чувствовали скорую смерть и/или становились обузой - уходили в отшельники в леса или прыгали со скал в море.
Воины, чтобы не умирать без чести на соломе, прикалывали себя к деревьям или вешались - смерть с воинской честью, пропуск в Валхаллу.
Очень жаль, что в современном мире человек считает, что продолжительность жизни важнее её качества, и тем более, плюет на то, как это выглядит со стороны для общества.
Для себя считаю, что когда придет время - уйду.

Не так давно каждое новое поколение было лучше другого, сейчас каждое новое поколение хуже предыдущего.

Грехи родителей оплачивают дети.
Старики убивают внуков по полному праву.

Моё тело - мой храм.
Мой храм расписывается согласно моей вере.
Каждый рисунок и символ выдержан в одной тематике, каждый пережит и сам нашел свое место на теле.
Проливать кровь от игл ради красоты - удел недалеких людей.
Тысячелетнему искусству татуировки необходимо вернуть сакральность.

Деяние начато под влиянием образа Молоха, "Утраченный символ", Д. Браун.

Мне редко бывает стыдно.
Мне не снятся кошмары, хотя когда снятся - это самые интересные сны.
Я циничен и смеюсь над паралитиками.
Я бью людей, которых ненавижу - это доставляет удовольствие.
Я не боюсь признаться в этом себе и другим - это мое отличие от вас.
Горжусь ли я этим?
Хороший вопрос без очевидного быстрого ответа.

Мое расщепленное сознание говорит, что нельзя гордиться тем, что я иногда делаю, но другие его части находят это предметом изучения, выходом пассионарности, невозможностью поступить иначе, супротив убеждений.
Как я с этим живу?
Очень интересно живу, никому не желаю так жить.

Она сказала: "У меня много интересных друзей!"
Чем они интересны?
Тем, что знают все клубы в городе, пробовали редкую дурь, умеют отличить brand от fake, или всегда на хорошем look-e?
Интересны те, кто одобряет насилие, кто пассионарий, кто нарушал закон, кто отрицает гнилую мораль либерализма, плюет в ублюбочных прохожих, кто состоит в черных орденах, кто верит в богов и чувствует холод ножа каждый день - вот кто интересен.
И даже те, кто это отрицает, но все равно со мной - тоже интересны.
Я рад своим друзьям, всем.

Модерн - это страх, это ужас от перспективы возврата в традицию.

Страх потери комфорта, страх от стыда, много-много страха и страхов.

Культурный апофеоз этого бессознательного кошмара - кинематограф и литература ужасов.

Подавляющее большинство персонажей, особенно первой половины века - хтонические чудовища, божества- Дагон, Ктулху, антропоморфные монстры - попытки пережить и переосмыслить мифологические мотивы в новом ключе - воспитать страх, а потом и насмешку над золотым прошлым - вторая половина XX века.

Хочешь убить страх - сделай его смешным, так и сделали.

Теперь прошлое не кошмарно, теперь оно смешно - Крюгер, Джейсон, мутанты и маньяки - первые ласточки переосмысления маниакальности и насилия модерна, порожденных все тем же страхом.

И вот, страх архаичного преодолен, кошмары насилия модерна осмеяны, последняя ласточка смысла жизни - страх - улетела.

Смысла жизни больше нет. Постмодерн.

Постмодерн - неосознанная экзистенциальная депрессия, смысла жизни нет, ничего не страшно - все безразлично.

Садизм - право, убийство - развлечение. Эмоции стали потребляемыми, а не переживаемыми.

Что разрешено, то не интересно.

Калейдоскоп фрагментов и теней идей - попытка сконструировать, замиксовать новый смысл жизни, но его нет.

Желание вернуться возникает, но это невозможно и мы видим глубочайший упадок кинематографа ужаса и его гениев, на первом плане попытки показать натуральнее, больше количеством, достать самую грязь - но нет качества.

Редкие образчики современного кино ужаса бьют по голове, дарую переживания страха модерна.

Триер говорит - миром правит хаос, и выдает мрачные манифесты времени - "Антихрист" и "Меланхолия".

Хаос - пустота, ничего.

Ложно объявлять его полным мириадами смыслов.

Ибо...

Смысла нет.

Эта депрессия должна кончиться суицидом.

Настолько ненавидеть себя, чтобы отказывать себе в самоубийстве и продлевать собственные мучения в агонизирующем мире.

Доктор Менгеле - один из немногих гениев, чей вклад был признан обществом.

Почему?

Потому, что делал то, что другие боялись, в эпических масштабах.

А потом лицемерно растащили результаты его работ по своим уютным лабораториям.

Сон с удачной поножовщиной - вдохновил с утра, уже хочется бить рожи дегенератов за окном.

Ловлю себя на том, что перехватываю неконтролируемые сигналы руке бить, когда рядом какой-нибудь ублюдок.

Всему свое время, беспорядочное удовольствие и выплеск ненависти - это лишает должных ощущений, обесценивает последующие акты, приводит к дешевому и быстрому пресыщению.

Агрессия не должна быть потребляема, она должна быть переживаема.

Особенно жертвой.

Вера в новый Золотой век после конца света снимает страх перед войной и смертью.

Скорее бы весь мир в труху.

Пусть потомкам достанется лучшее.

Паранойя - обратная сторона медали.

Когда дорога домой кругами пролегает через запутанные дворы и темные улочки - идти незаметным.

Знать близлежащие кварталы лучше дворников.

Постоянный контроль человеко-потока: кто есть кто? Смотреть за своей спиной.

Не ходить под камерами и всегда прятать лицо.

Подмечать новые машины и новых людей, знать о соседях больше, чем нужно.

Заходить в подъезд, с открытым ножом в руке, и прислушиваясь к шуму воды в трубах.

Это уже на автоматизме.

Дальше - больше.

Не последнюю роль играет музыка.

Хоть Гессе, Ницше и Юнг обращались совершенно к иной музыке, нежели сейчас, я согласен с ними.

Музыка творит все, если с ней не промахнутся.

Разжигание и/или раскрутка ненависти и агрессии через музыку продуктивно, хоть и отдает синтетическим привкусом.

Либо выплескивать свое состояние в громкость и текст, в его переживание - когда нет возможности пойти в городское сафари.

Но по улице я хожу в тишине, причин тому:

Паранойя - я слушаю окружающих людей и их шаги,

Не хочу оттенять ненависть "допингами",

Без музыки я постоянно погружен в себя, это выматывает - своего рода ментальное

самобичевание.

Не умею, не думать, а думать надо в тишине.

Рождение ненависти из мира музыки; почему нет?

Любой психолог скажет вам, что агрессия и ненависть - это комплексы, компенсации, зависть и т.п. - можно частично согласиться.

Да, такая природа ненависти есть, но это детская агрессия, она как не ограненный алмаз - может резать, но еще не играет всеми красками своего потенциала.

Но есть и ненависть, проистекающая из убеждений, идей - пассионарная ненависть; она смешивает рациональный подход и иррациональную животную злобу, давая ей выход когда нужно.

Алмазу ненависти нужно придать форму, нельзя очернять его бездумными эмоциональными вспышками и бездумными нападениями - быстро сгораешь.

Надо оттачивать свою злобу, совершать ювелирные акты террора личностей, охватывающие не только физическую сторону.

Заходить к жертве с нескольких сторон, создать ей атмосферу страха, чтобы видеть как она оглядывается, идя по улице, но все равно не замечает вас.

Нападение - лишь один из штрихов к картине, лишь шаг к цели.

Гораздо интереснее создать жертве такую атмосферу, что ему будет страшно за себя даже дома, когда его страх поразит его друзей и родных - это интереснее, чем просто избить. Это кружит голову.

Послесловие

Постмодерн неизбежен, неизбежна его депрессия и Рагнарек для всех. Большинство этого не осознают и тешат себя калейдоскопом теней, фрагментарным блеском ничего. Но мы, те, кто чувствует и знает, что это не его время и не его режим, кто внутри себя в модерне или премодерне – традиции, те обречены на пожизненное страдание от осознания окружающего Хаоса, многозначности при полной бессмыслице.

Мы вынуждены встраиваться в социум, ибо любая попытка автономного возвращения к архаике в постмодерне приобретает извращенные формы сектантской общины. Мы создаем внутри себя наш мир, создаем себе окружение из таких же, как мы, но нас меньшинство. Чтобы смягчить пресс не нашего времени, мы вынуждены играть роли, выполнять социальные функции и это разрывает, раздваивает наше сознание. Все, кто родились в это не свое время, будь то левые или правые, евразийцы или сторонники примитивизма – все обречены на страдания, шизофрению, страх и главное – экзистенциальную депрессию. Все на крючке постмодерна, но главный вопрос – как мы будем себя вести на этом крючке? Следовать западу и просить, скорее, закинуть себя в пасть Ёрмундада, либо сопротивляться до конца, ибо иначе не позволяет совесть; быть *Радикальным Субъектом*.

SvarteAske
Зарисовки мизантропии
2011